

**«Как можно Потёмкина мне заменить?
Все будет не то...
Он был настоящий дворянин,
умный человек, меня не продавал;
его нельзя было купить».**

Екатерина II

Александр Брикнер

СВЕТЛЕЙШИЙ
КНЯЗЬ
ПОТЁМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ

ЭКСМО

Москва
2014

УДК 94(47)(092)
ББК 63.3(2)46-8
Б 87

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Фотоколлаж на обложке *Ф. Барбышева*

Брикнер, Александр Густавович.

Б 87 Светлейший князь Потёмкин-Таврический / Александр Брикнер. — Москва : Эксмо, 2014. — 288 с. — (Русский Крым).

ISBN 978-5-699-75595-0

Полководец, дипломат, администратор, фаворит (а потом и тайный супруг) императрицы Екатерины II, Григорий Александрович Потёмкин (1739–1791) — одна из самых ярких фигур екатерининского царствования.

Среди его трудов во славу Государства Российского присоединение и обустройство Новороссии и Крыма занимает особое место. За подвиги на этом поприще Высочайшим указом от 8 (19) июля 1787 года ему был пожалован титул Таврического и велено именоваться впредь светлейшим князем Потёмкиным-Таврическим.

Выдающийся государственный муж и легкомысленный сибарит, устроитель государства и своенравный, корыстолюбивый аферист, герой и фанфарон, идеалист и циник, Потёмкин сочетал в себе культурную утонченность и варварство, гуманность и самодурство, огромный ум и взбалмошность.

Биография Потёмкина, созданная русским историком Александром Густавовичем Брикнером, — одна из наиболее удачных попыток постичь всю сложность и глубину этой противоречивой натуры.

УДК 94(47)(092)

ББК 63.3(2)46-8

ISBN 978-5-699-75595-0

© Издание, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Введение

Издавая стихотворение Державина «Водопад», Я.К. Грот заметил: «Справедливая оценка Потёмкина в настоящее время еще не возможна. Едва ли правы те, которые считают его за честолюбца, все приносившего в жертву своим личным видам. Безусловное к нему доверие императрицы в продолжение стольких лет заставляет предполагать в нем необыкновенный государственный ум и истинные заслуги»¹.

С тех пор как было сделано это замечание нашим знаменитым знатоком новой истории России, прошло более двух десятилетий. В продолжение этого времени было издано столько данных для истории царствования императрицы Екатерины II вообще и жизни и деятельности замечательнейшего из ее фаворитов в особенности, что в настоящее время нельзя уже более отрицать возможности справедливой оценки Потёмкина. Осторожные и неопределенные выражения маститого издателя трудов Державина о способностях и заслугах Потёмкина вполне подтверждаются множеством исторических материалов, опубликованных в последнее время, но еще не вполне разработанных специалистами.

Укажем вкратце на историю литературы о Потёмкине.

В Германии раньше, чем в России, были сделаны некоторые попытки составления очерков жизни и деятель-

ности Потёмкина. Скоро после его кончины появились анонимные труды: «Anekdoten zur Lebensgeschichte des Reichsfürsten Potemkin. Nebst einer kurzen Beschreibung der ehemaligen Krimm» (Freistadt am Rhein, 1792) и «Privatleben des berühmten Russisch-Kaiserl. Feldmarschalls Fürsten von Potemkin Tawritscheskoj. Herausgegeben von S**» (Leipzig und Gratz, 1793). Эти книжки, скудные содержанием, представляют собою сборники анекдотов; в них отчасти есть и полемический тон; на каждом шагу встречаются несообразности и неточности.

В 1794 году появилось беллетристическое произведение «Pansalvin, Furst der Finsterniss und seine Geliebte, so gut wie geschehen» (Germanien, 1794). Это роман-памфлет, направленный против любимца Екатерины. Автором его считают некоего доктора Альбрехта². Как передают, императрица не без удовольствия читала этот труд, в котором ее личность, под именем героини романа «Миранды», была выставлена в довольно выгодном свете³.

Гораздо большее значение имела биография Потёмкина, помещенная в журнале «Minerva», издававшемся в конце XVIII века в Гамбурге известным историком и публицистом Архенгольцем. Автором этого труда, обнимающего более 600 небольших страниц и появившегося в пятнадцати книжках этого журнала (от 1797 до 1800 г.), был саксонский дипломат Гельбиг, которому не без основания приписывают и другие сочинения по истории России в XVIII столетии, а именно сборник анекдотов под заглавием «Russische Gunstlinge» и биографию Петра III в двух томах, изданную в Тюбингене в 1809 году. Гельбиг находился в России в конце царствования Екатерины II. Не говоря уже о других причинах, заставляющих нас считать его автором биографии Потёмкина, необходимо указать на то обстоятельство, что многие обороты и отзывы в печатном труде дословно соответствуют разным местам в донесениях этого дипломата,

хранящихся в Дрезденском государственном архиве⁴. Недаром Гельбиг называет свой труд сборником анекдотов. Множество данных, встречающихся в нем, выходят из рамки биографии Потёмкина и скорее относятся к царствованию Екатерины вообще. Автор далеко не беспристрастен. Он сильно предубежден против императрицы и ее друга и сотрудника. Не без основания Екатерина ненавидела Гельбига и подумывала о довольно бесцеремонном удалении его из России. Так как главным источником при составлении сочинения Гельбига служили сплетни в среде иностранных дипломатов, то нужно пользоваться этим трудом с крайнею осторожностью. Местами встречаются фактические неточности и промахи. Тон раздражения, в котором говорится о Потёмкине, придает этим статьям Гельбига характер памфлета или, по крайней мере, скорее публицистического, нежели серьезно-исторического, труда.

В несколько сокращенном виде журнальные статьи Гельбига о Потёмкине появились в 1804 году особою книжкою: «Potemkin. Ein interessanter Beitrag zur Regierungsgeschichte Katharina's der Zweiten». В 1808 году в Париже была издана французская редакция этого труда под заглавием: «*Vie du prince Potemkin. Redigee par un officier française d'après les meilleurs ouvrages allemands et française, qui ont paru sur la Russie a cette époque*»⁵. Воспроизведение этой книги на английском языке появилось в двух изданиях под заглавием: «*Memoirs of the Life of Prince Potemkin. Comprehending Anecdotes of Catherine II and of the Russian Court. Translated from the German*». London, 1812 и 1813. Мало того, первое сочинение о Потёмкине, появившееся на русском языке, «Жизнь генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического» (С.-Петербург, 1811 г., два тома) было просто переводом французского издания труда Гельбига, хотя нигде в книге не имеется на этот счет ни малейших указаний. Недаром граф Самойлов, племян-

ник Потёмкина, в крайнем раздражении удивлялся в 1812 году воспроизведению на русский язык иностранных сочинений о Потёмкине⁶.

Совершенно противоположным направлением отличается сочинение графа А.Н. Самойлова «Жизнь и деятельность генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического». Племянник знаменитого временщика говорит о нем не иначе как в тоне панегирика. Самойлов писал между 1812 и 1814 годами⁷. Его труд, однако, был напечатан лишь в 1867 году в «Русском Архиве». Несмотря на односторонность отзывов, суждений и выбора фактов, это сочинение может служить очень важным пособием при изучении жизни и деятельности Потёмкина.

Очерки биографии Потёмкина, помещенные в изданиях Бантыш-Каменского «Словарь достопамятных людей» и «Биографии русских генералиссимусов», не имеют особенного значения, так как они писаны в официальном тоне. Не без основания новейший биограф Потёмкина, М. Семевский, называет эти труды «формулярными списками, подцвеченными риторикой»⁸. Далеко важнее биография Потёмкина, составленная Надеждиным и помещенная в «Одесском Альманахе» на 1839 год.

Труд М. Семевского «Князь Г. А. Потёмкин-Таврический», помещенный в XII—XIV томах «Русской Старины», заслуживает полного внимания исследователей, занимающихся этим предметом. Значение монографии определено автором в следующих выражениях: «Не задаемся мыслию составления биографии Потёмкина, но, приступая к печатанию значительного собрания разнообразных документов, до него относящихся, признаем необходимым представить эти материалы в рамке из фактов его жизни с указанием по мере возможности и надобности на противоречия и некоторые погрешности биографов». Превосходство труда г. Семевского заключается главным образом в сообщении новых дан-

ных, ярко освещающих жизнь и характер Потёмкина. Так, например, особенно важно сообщение писем князя к Варваре Энгельгардт, к Прасковье Андреевне Закревской и т. п. Зато при разработке этого нового материала недостаточно было обращено внимания на печатную литературу, на различные издания, в которых встречаются данные о Потёмкине.

В 1888 г. появилось сочинение о Потёмкине под заглавием «S. Jean, Lebensbeschreibung des Fursten Gregor Alexandrowitsch Potemkin des Tauriers als Beitrag zu der Lebensgeschichte der Kaiserin Katbarina II. Nach dem noch un-gedruckten Ms. des Verf. frei aus dem Franz, ubersetzt von einem seiner Zeitgenossen. Herausg. von F. Rothermel. Karlsruhe 1888». В «Deutsche Literaturzeitung» в начале 1889 г. мы высказались об этом сочинении, которое должно считаться подлогом. О секретаре князя, С. Жане, пока ничего неизвестно. К тому же множество промахов и недоразумений, встречающихся в этой книге, подтверждает предположение, что это сочинение скорее компиляция позднейшего времени, чем результат наблюдения человека, близкого Потёмкину. Довольно того, что тут рассказано об отравлении князя императрицею, о его намерении занять русский престол, о его плане сделаться герцогом Лифляндским, о том, что будто при Екатерине случаи жестоких казней происходили чуть ли не ежедневно и проч. Значит, тут не что иное, как неумелая мистификация.

И до появления в свет труда Семевского, и после этого, особенно же в продолжение последнего десятилетия, было издано множество материалов для истории царствования Екатерины, где роль князя Потёмкина занимает столь видное место. Самым важным вопросом должно считать отношение императрицы к Потёмкину. Благодаря изданию бумаг Екатерины, хранящихся в государственном архиве Министерства иностранных дел⁹, мы имеем возможность составить себе точное понятие о том месте, которое за-

нимал Потёмкин в отношении императрицы. Далее были опубликованы депеши и донесения иностранных дипломатов, в которых очень часто и иногда очень подробно говорится о Потёмкине. О нем же идет постоянно речь в письмах и записках современников; на каждом шагу при чтении общедоступных исторических изданий («Русского Архива», «Русской Старины», «Древней и новой России», «Архива князя Воронцова» и проч.) мы встречаем следы деятельности светлейшего князя, письма, в которых о нем говорится более или менее подробно, анекдоты, имеющие источником устное предание, и т. п.

От С.Н. Шубинского мы получили в копиях довольно значительное число писем разных лиц к Потёмкину, а также и писем Попова к Безбородке о князе. Разработка этого отчасти очень интересного материала в частности может воследовать лишь после издания этих писем, что обойдется не без затруднений, так как на многих письмах нет числа. Мы, однако, позволим себе воспользоваться для нашего труда некоторыми, впрочем немногими, выдержками из этих писем и при этом считаем приятным долгом выразить С.Н. Шубинскому искреннюю благодарность за сообщение для просмотра этих рукописных данных, которые при более подробном изложении жизни Потёмкина, как можно надеяться, отчасти окажутся достойными служить материалом при изучении частной жизни князя, истории его отношения к фаворитам, разным сановникам, лицам военного ведомства и проч.

Что касается административной деятельности Потёмкина, то она отчасти стала известною чрез публикацию многих писем и деловых бумаг Потёмкина и его сотрудников в различных изданиях, например в «Записках Одесского Общества Истории и Древностей», в «Сборнике Императорского Исторического Общества» и т. п. Правда, большая часть деловых бумаг, сюда относящихся, еще не издана. Так, например, почти все архивные материалы, хранившиеся в Решетилровке,

имении наследников начальника Потёмкинской канцелярии В.С. Попова, остаются еще пока неизвестными. Поэтому полная и всесторонняя оценка всех частных деятельности Потёмкина как военачальника и правителя остается впереди.

Тем не менее мы в настоящее время располагаем достаточным запасом сведений для составления возможно полного очерка биографии Потёмкина и оценки его личности и деятельности. Приступая к решению этой сложной и трудной задачи, считаем долгом заявить, что главное внимание в последующих главах обращено на вопрос о личном отношении Потёмкина к императрице Екатерине, и мы не имеем в виду разработки частных политической роли знаменитого фаворита.

Предоставляя будущим исследователям исчерпывать этот предмет при помощи всестороннего анализа и пока еще не изданных данных, мы довольствуемся сообщением и освещением важнейших фактов из жизни и деятельности друга Екатерины и подведением для общей характеристики Потёмкина итогов несметному множеству фактов и отзывов, разбросанных в исторической литературе и повременных изданиях. Занявшиеся после нас этим предметом – хотя бы даже при более благоприятных условиях, имея возможность начертить биографию Потёмкина в больших размерах и с сообщением гораздо большей массы фактов, – едва ли придут к новым результатам в отношении самых важных фазисов исторической роли Потёмкина и оценки преимуществ и недостатков нашего героя.

Глава I

Молодость Потёмкина (до 1774 г.)

Сведения о происхождении и молодости Потёмкина, основанные большею частью на устном предании, имеют лишь анекдотический характер и в значительной их части не могут считаться достоверными. Так, например, нет положительных данных о родстве Григория Александровича с известным русским дипломатом, Петром Потёмкиным, побывавшим при Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче в разных государствах Западной Европы в качестве московского посла, но не отличавшегося ни политическим тактом, ни образованием. Во время «случая» Григория Александровича так мало знали о политической роли его мнимого родственника, что даже племянник знаменитого фаворита, Энгельгардт, относит путешествие Петра Потёмкина в Англию к эпохе Петра¹, между тем как он был там гораздо раньше и умер до воцарения Петра Великого. В среде дипломатов, находившихся в Петербурге в то время, когда Григорий Александрович сделался князем и когда зашла речь о его родстве с Петром Потёмкиным, составление такой родословной считали или самообольщением, или обманом².

Мы не придаем также значения рассказу о происхождении рода Потёмкиных из Польши. Об этом говорят ино-

странные писатели, а также и Энгельгардт, между тем как у Самойлова, также близкого родственника Григория Александровича, не упомянуто об этом обстоятельстве.

Год рождения Потёмкина точно неизвестен; в различных источниках говорится то о 1736, то о 1739 годе; у Самойлова показан 1742 год³. Во всяком случае, Потёмкин был несколькими годами моложе Екатерины.

Родившись в селе Чижеве, близ Смоленска, Потёмкин, бывши еще мальчиком, лишился своего отца, Александра Васильевича, скончавшегося в 1746 году. Поэтому разные анекдоты о строптивом нраве сего последнего, безграничною ревностью якобы мучившего свою жену, мать Григория Александровича, не могут иметь для нас особенного значения⁴. Так как, однако, едва ли можно сомневаться в грубости нрава отца и в его жестоком обращении с женою, бывшею гораздо моложе его, то кончина отца для Грица – как называли дома способного мальчика – была скорее выгодною, чем потерею. Мать Григория Александровича, сделавшаяся впоследствии статс-дамою, была хороша собою и считалась умною женщиною⁵. После смерти мужа она переселилась в Москву, где жила под покровительством родственника, президента камер-коллегии, Григория Матвеевича Козловского, и где единственный сын ее вместе с сыном Козловского посещал учебное заведение Литкела в Немецкой слободе.

Сохранились некоторые анекдоты о честолюбии Потёмкина в юном возрасте. То он мечтал о проекте скупить когда-то множество домов за Яузою и выстроить преогромное здание;⁶ то он говорил своим товарищам: «Хочу непременно быть архиереем или министром»⁷, или: «Так, так начну военной службой; а не так, то стану командовать попами»⁸. Нет сомнения, что впоследствии он неоднократно мечтал о посвящении себя монашескому званию и весьма часто занимался вопросами богословия. Энгельгардт замечает в своих «Записках» о Потёмкине: «Поэзия, философия, богословие и

языки, латинский и греческий, были его любимыми предметами; он чрезвычайно любил состязаться, и сие пристрастие осталось у него навсегда; во время своей силы он держал у себя ученых раввинов, раскольников и всякого звания ученых людей; любимое его было упражнение, когда все разъезжались, призывать их к себе и стравливать их, так сказать, а между тем сам изощрял себя в познаниях⁹. Также и Самойлов рассказывает о страсти Потёмкина к наукам отвлеченным, к чтению классиков, о его уединенном прилежании¹⁰. В селе Татеве, куда он в молодости приезжал к родным гостить, сохранилось предание, что часто утром находили молодого Потёмкина спящим в библиотеке на стоявшем там биллиарде (уцелевшем до сих пор) – он просиживал за книгами целые ночи¹¹. Полезным наставником его был иеродиакон греческого монастыря Дорофей. Вступив в только что учрежденный московский университет, Потёмкин за свои дарования и успехи удостоился золотой медали, а затем, кажется, в июле 1757 года, находился в числе двенадцати лучших воспитанников университета, отправленных в Петербург и представленных императрице Елисавете Петровне. По возвращении в Москву он вместо участия в регулярных занятиях университетских увлекался самостоятельными работами, чтением книг и проч., вследствие чего был исключен из университета «за нехождение»¹².

Во все это время Потёмкин, как это тогда было принято для молодых дворян, считался находившимся на военной службе с дозволением не являться на службу до окончания учения. В 1755 году он был записан в конной гвардии рейтаром; в 1757 году произведен в капралы; в 1758 – в ефрейт-капралы, а в 1759 году – в каптенармусы¹³.

По исключении из университета Григорий Александрович решил посвятить себя военной карьере. В числе лиц духовного звания, которых посещал Потёмкин в Москве, находился Амвросий Зертис-Каменский, бывший тогда архие-

пископом Крутицким и Можайским: он одобрил его намерение и дал ему на дорогу пятьсот рублей¹⁴.

В Петербург Потёмкин прибыл в то время, когда там готовились чрезвычайно важные события. Во время царствования Петра III он сделался вахмистром, был взят ординарцем к принцу Георгу Гольштинскому и в то же время правил ротой, в которой он служил.

Участие Потёмкина в государственном перевороте 26 июня 1762 года обратило на него внимание Екатерины. О его сношениях с Орловыми до этого события мы не имеем никаких положительных данных. Есть предание, что он во время кризиса действовал в пользу Екатерины, уговаривал солдат объявить ее самодержицею... Обо всем этом не сохранилось достоверных известий. В какой степени трудно воспроизведение частных фактов, видно из следующего обстоятельства. Рассказывают, что Потёмкин в ту минуту, когда Екатерина 30 июня верхом, в мужском платье, во главе отряда войск отправилась в Петергоф, находился в ее свите; услышав, что императрица желает иметь темляк на шпаге, он сорвал свой темляк, подъехал к государыне и поднес ей желаемое украшение, чем обратил на себя внимание императрицы¹⁵. Самойлов, племянник Потёмкина, решительно отвергает достоверность этого анекдота на том основании, что Потёмкин, будучи еще унтер-офицером, не мог поднести своего темляка государыне, «поелику оный был не офицерский»¹⁶. Однако сам Потёмкин рассказывал впоследствии Сегюру даже подробности об этом случае: как он подал темляк, как его лошадь, привыкшая к эскадронному ученью, поравнялась с лошадью императрицы и, несмотря на все усилия, упорствовала удалиться, как императрица улыбнулась и проч.¹⁷.

Как бы то ни было, императрица придавала участию Потёмкина в государственном перевороте некоторое значение. В ее письме к Понятовскому о частностях этого события, меж-